

ДВОЙНОЙ
АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Предчувствия ее не обманули. На дело со своим ментом
Найти, влюбиться и отомстить. Тайна, покрытая мраком
Отпетые плутовки. Жестокий мир мужчин
Последняя любовь Самурая. Невеста Калиостро
Миллионерша желает познакомиться. Ставка на слабость
Все в шоколаде. Леди Феникс
Закон семи. Моя любимая стерва
Последнее слово за мной. Чумовая дамочка
Welcome в прошлое. Испанская легенда
Аста Ла Виста, беби! Держи меня крепче
Амплуа девственницы. Брудершафт с терминатором
Мавр сделал свое дело. Как бы не так
Она в моем сердце. Огонь, мерцающий в сосуде
Чего хочет женщина. Мой любимый киллер
Черта с два. Я — ваши неприятности
4 любовника и подруга. Одна, но пагубная страсть
Ангел нового поколения. Бочка но-шпы и ложка яда
С чистого листа. Сжигая за собой мосты
И буду век ему верна? Единственная женщина на свете
Невинные дамские шалости. Сестрички не промах
Тонкая штучка. Деньги для киллера
Выйти замуж любой ценой. Наследство бизнес-класса
Ночь последнего дня. Все точки над і
Ее маленькая тайна. Чудо в пушистых перьях
Час пик для новобрачных. Фитнес для Красной Шапочки
Тень стрекозы. У прокурора век недолог
Большой секс в маленьком городе. Караоке для дамы с собачкой
Капкан на спонсора. Неопознанный ходячий объект
Овечка в волчьей шкуре. Барышня и хулиган
Строптивая мишень. Интим не предлагать
«Коламбия пикчерз» представляет. Охотницы за привидениями
Мой друг Тарантино. Любовь очень зла
Миссия свыше. Коллекционер пороков и страстей
Список донжуанов. Фуршет для одинокой дамы
Трижды до восхода солнца. Неутолимая жажда
Не вороши осиное гнездо. Жаркое дыхание прошлого
Один неверный шаг. Та, что правит балом
Мое второе я. Уходи красиво
Вся правда, вся ложь. Я смотрю на тебя издали

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

✧ *Вся правда,*
ВСЯ ЛОЖЬ

✧ *Я смотрю*
на тебя издали

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Марычева*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 **Вся правда, вся ложь; Я смотрю на тебя издали:**
[романы] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо,
2020. — 576 с. — (Двойной авантюрный детектив
Т. Поляковой).

ISBN 978-5-04-107548-4

«Вся правда, вся ложь»

И зачем Фенька взялась за это дело?! Жалко ей, видите ли, стало безутешного вдовца и бабулю, потерявшую единственную внучку... А может, так она спасалась от затяжной депрессии из-за несчастной любви? Стас уехал, поставив точку в запутанных отношениях... Наверное, поэтому Фенька и согласилась на предложение Одинцова отыскать убийцу его жены. Еще один труп не заставил себя долго ждать. Но где гарантия, что убийца на этом остановится?

«Я смотрю на тебя издали»

На этот раз дело попало Феньке слишком сложное и опасное. Оно напрямую связано со страшной трагедией, произошедшей одиннадцать лет назад. Тогда сожгли себя заживо в своей церкви, не дожидаясь конца света, члены секты отца Гавриила. Правда, следователи не исключали возможности массового убийства, а вовсе не самоубийства. Но доказательства этой версии так и не смогли обнаружить. А Фенька смогла. Но как ей быть дальше, не знает. Ведь тонкая ниточка истины, которую удалось нащупать, тянется к ее любимому Стасу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107548-4

✧ *Вся правда,*
ВСЯ ЛОЖЬ

Я буду смотреть тебе вслед,
Пока не погаснет свет.
На всей земле не погаснет свет,
Я буду смотреть тебе вслед.

«Смысловые галлюцинации»

В широком белом пальто старушка выглядела до смешного крохотной. Лучи холодного зимнего солнца, казалось, просвечивают ее насквозь. Эдакий ангелок с морщинистым личиком. Она словно не шла, а скользила над землей, полы белого пальто, раздуваемые ветром, вполне могли сойти за крылья, и деревянная трость в ее руках, точно якорь, нужна была для того, чтоб удержаться на асфальте, не то старушка непременно взмыла бы в небеса, вгоняя в трепет бродячих собак и редких прохожих. В общем, божий одуванчик на аллее парка казался существом не от мира сего: легким и полупрозрачным.

Будь я в ином расположении духа, вряд ли бы обратила на нее внимание. Обычно старушек в парке хватало, встречались среди них весьма колоритные, но сегодня я хандрила и готова была глазеть на что угодно без любопытства, но с удвоенным вниманием, лишь бы унести резвым галопом от собственных дум и избавиться от созерцания своего богатого внутреннего мира. В этом смысле старушка просто находка. Ломай себе голову, кто она такая, кем была во времена своей молодости, придумывай чужую жизнь и, боже избави, не лезь в свою.

Полчаса назад я сбежала от сестрицы, выдумав на ходу сверхважное дело, о котором вслух говорить никак нельзя. Агатка, против обыкновения, допрос с пристрастием учинять не стала, и я, прихватив паль-

8 то, скоренько оказалась в парке. Не то чтобы меня влекло сюда с огромной силой, просто останься я в конторе, начала бы, чего доброго, биться головой о стену. Ни моя занудливая сестрица, ни тем более работа в ее конторе к этому желанию никакого отношения не имели, но так как оно крепло с каждой минутой, я поспешила улизнуть.

Парк находился совсем рядом с нашим офисом, я сидела на скамейке съезжившись и уже начала клацать зубами. С утра было ветрено, температура упала до нуля. Не очень-то подходящее время для прогулок. Так решила не только я. Парк, против обыкновения, был почти пуст: две мамы с колясками — этим гулять положено в любую погоду, я со своей бездонной душой и старушка — вот и все посетители.

Увидев меня, бабуля вдруг замедлила шаг или, если угодно, заскользила по поверхности чуть медленнее, направляясь в мою сторону, вызвав беспокойство. Ни с одним человеком в тот момент вступать в контакт я была не склонна, а старушка, вне всякого сомнения, нацелилась на скамью, где я сидела.

«Надо сматываться», — в легкой панике решила я, но еще теплилась надежда: бабка выберет соседнюю скамью, а когда стало окончательно ясно, что интересуется ее моя и никакая другая, вскакивать и убегать было уже поздно без того, чтобы это не выглядело невежливо, даже грубо, а меня учили уважать старших.

Оставалось уповать на то, что бабуля не собирается заводить разговор. Вряд ли девицы вроде меня кажутся ей подходящими собеседницами. На всякий случай я с преувеличенным вниманием стала разглядывать урну напротив, боковым зрением заметив, как старушка садится и складывает прозрачные ладошки на коленях. Голос ее оказался прозрачным, как и ладошки.

— Пожалуйста, поговорите со мной, — сказала она, а я в первый момент решила, что мне попросту почудилось и это произнесла не моя соседка, а некто, жи-

вущий в моей черепушке, любитель особо ценных советов, в которых я остро нуждалась. Так вот, я решила, что сама бормочу под нос эту просьбу, и всерьез напугалась: если подобные глюки являются средь бела дня, выходит, дела мои из рук вон плохи. На всякий случай я повернула голову, а старушка повторила: «Пожалуйста» — и улыбнулась. Доверчиво, как младенец, открытый миру и даже не подозревающий, какие пакости его здесь ждут. Если б не эта улыбка, я бы сбежала, но, взглянув на бабулю, точно приросла к скамейке.

«Ладно, посижу пять минут и уйду», — решила я, уже подозревая, что мои намерения так намерениями и останутся. Бабуля вздохнула, отводя глаза, и немного помолчала. Я почувствовала неловкость, то ли старушка вдруг передумала и к разговорам охладела, то ли ждала от меня ответного шага. Лихорадочно прикидывала, о чем бы заговорить, и тут она вновь произнесла:

— У меня внучка погибла. Моя маленькая девочка. Единственная. Никого на этом свете у меня не осталось.

Я испугалась, что она сейчас заплачет, но она улыбнулась шире, а ледяной ком, который при первых словах старушки возник где-то чуть выше моего пупка, начал расплзаться в разные стороны, заставляя сжиматься то ли от холода, то ли от боли.

Я хотела ответить, задать вопрос, пусть самый глупый и ненужный, но так и замерла с открытым ртом, вроде бы разом забыв все слова.

— Э-э-э, — все-таки произнесла я невнятно, но бабуле и этого оказалось достаточно. Она кивнула, пошарила рукой в кармане пальто и достала фотографию. Снимок десять на пятнадцать в серебристой рамке. Красивая девушка с темными длинными волосами, глаза ее казались невероятно синими, пухлые губы чуть раздвинуты в улыбке.

— Как ее зовут? Звали... — смогла-таки я с некоторым усилием задать вопрос.

10 — Ира. Ирочка Томашевская, то есть по мужу
Одинцова. Вы, случайно, не были знакомы?
«Может, бабка сумасшедшая?» — с надеждой по-
думала я и ответила:

— Нет, к сожалению.

Не убирая фотографии, бабуля кивнула:

— Просто я подумала... она работала в библиотеке,
здесь неподалеку... Три года работала, пока не вышла
замуж. Завтра ей бы исполнилось двадцать восемь лет.

— А-а-а что случилось? Авария?

— Нет, — покачала головой старушка. — Кто-то
проник в дом, Гена был на работе, Ирочка в это вре-
мя оставалась одна... Одиннадцать ножевых ран... так
следователь сказал...

— Ограбление? — спросила я испуганно, зная не
зная, стоит ли задавать вопросы или лучше помолчать.

— Ничего не пропало... он ей лицо изувечил, раз-
резал ножом... За что? — Она убрала фотографию в
карман и стала разглядывать свои руки, морщини-
стые ладошки нервно вздрагивали, успев покраснеть
от холода.

— Убийцу нашли? — задала я вопрос, так и не ре-
шив, стоит ли это делать.

— Сначала арестовали дворника... молодой парень,
таджик, работал там совсем недавно. Но потом его от-
пустили. Нашлись какие-то родственники, наняли до-
рогого адвоката. Наверное, заплатили кому следует,
и теперь говорят, что он не виноват... Ирочка жила
с мужем в Сосновке, коттеджный поселок за рекой...
С соседями едва знакомы. Врагов у них не было, осо-
бых ценностей тоже... у меня квартира в тринадцатом
доме, — вдруг сказала она, кивнув на новенькую мно-
гоэтажку, прямо напротив входа в парк. — Я могла бы
вам показать Ирочкины фотографии, у меня их целый
альбом... если у вас есть время...

— К сожалению, мне надо быть на работе, — по-
спешно ответила я, но, встретившись со старушкой

взглядом, неожиданно для себя добавила: — 11
Полчаса, конечно, найдется.

— Вот и хорошо. — Старушка встала, опираясь на палку, которую все это время придерживала коленом, пристроив ее к подлокотнику скамейки. — Я вас пирогами угощу. Сегодня пекла, ждала Ирочку, она по вторникам всегда ко мне приходит... Я не сумасшедшая, — со своей невообразимой улыбкой добавила старушка. — Просто трудно поверить, что внушки больше нет...

Я поднялась, и мы пошли по аллее.

— Вас как зовут? — спросила она.

— Ефимия. Но лучше зовите Фенькой.

— А я — Ольга Валерьяновна. Имя у вас красивое. И вы сами настоящая красавица. Красивая и добрая. Так нечасто бывает. Другая на вашем месте убежала бы от надоедливой старухи, я ведь понимаю...

Она семенила рядом, и вновь мне показалось, что она не идет, а парит над землей, монотонный стук палки с резиновым наконечником отсчитывал шаги и секунды, а я взяла Ольгу Валерьяновну под локоть, словно боялась, что она и впрямь улетит, подхваченная холодным ветром. Бабуля благодарно улыбнулась и покрепче прижала мою руку. Со стороны мы, должно быть, выглядели близкими родственниками на прогулке, эдакая благодатная картинка: бабушка и внучка. Я не знала, то ли на себя злиться, то ли все-таки на бабу. Мало мне своих проблем, теперь еще и это... Помочь я ничем не могу, а время потрачу.

Я украдкой посмотрела на часы. Если через десять минут меня не будет в офисе, Агатка затаит любимую песню о моей хронической безответственности и закончит изречением, что в семье не без урода. А если узнает, как я провожу время, всерьез забеспокоится: вот уже старушек в парке подбираю. Раньше обходилась бродячими собаками. На очереди бомжи и цыганки с малолетними чадами. Взглянув на ситуацию глаза-

12 ми сестрицы, я готова была незамедлительно смыться, но для этого как минимум надо освободить руку, которой, как ни странно, было уютно на худеньком старческом локте.

«Агатке о моем приключении знать необязательно», — рассудила я и бодро зашагала дальше.

Ольга Валерьяновна жила на втором этаже недавно построенного дома, светлая, просторная квартира, казалось, не имела к ней никакого отношения. Все здесь было новым: от добротной входной двери благородного бордового цвета до полупрозрачных римских жалюзи на окне единственной комнаты. Даже чашки, которые незамедлительно появились на кухонном столе, вне всякого сомнения, были куплены недавно. Мебель удобная, хоть и недорогая, подошла бы скорее молодой девушке. Я вертела головой, маскируя неловкость извинительным любопытством, а Ольга Валерьяновна продолжила накрывать на стол.

— Это Ирочкина квартира, — устраиваясь напротив, сказала она. — Я сюда переехала два месяца назад. Чтобы быть поближе к внучке. Раньше мы в райцентре жили, в Голованове... Дочку я давно похоронила, рак четвертой степени... ничего уже сделать было нельзя... С мужем у нее не сложилось, развелись через четыре года, Ирочка только родилась... Уехал в Москву на заработки и там нашел себе женщину. Дочка очень переживала, вы не подумайте, он человек неплохой, алименты платил исправно и даже к Ирочке приезжал, пока в новой семье дети не родились. Наташа, так мою дочку звали, сильно его любила... Я ее уговаривала, надо свою жизнь устраивать, какое там... ничего слышать не хотела, только Олег на уме... думаю, и болезнь ее... в общем, остались мы с Ирочкой вдвоем. Когда она техникум в нашем городе закончила, решила сюда переехать. Конечно, в большом городе жизнь совсем другая, я все понимала и не препятствовала... вот только сердце кровью обливалось, как она тут одна.

Зарплата небольшая, живет на квартире... Она работы никогда не боялась, подрабатывала, где только могла, еще в техникуме учась. И здесь с утра до вечера на работе... В библиотеке, потом бежит убираться в банк, ее по знакомству устроили, там платили хорошо, еще на дом работу брала, какие-то таблицы на компьютере делала, я в этом не очень разбираюсь. Приедет ко мне на выходной, отоспится и опять сюда. Мечта у меня была, купить внучке квартиру. Я тоже подрабатывала, чтобы ей помочь, и тут вдруг везенье: познакомилась с одной женщиной. Я как раз хотела кольцо с сережками продать, что мне от мужа покойного остались, а ему от тетки. Надеялась, может, дадут за них тысяч пятьдесят, все-таки вещи старинные. А женщина эта посмотрела на них и говорит: «Ольга Валерьяновна, ваши украшения больших денег стоят. У меня, говорит, знакомый есть, он вам покупателя найдет». Не поверите, он у меня сережки с кольцом за миллион купил. Я от радости чуть с ума не сошла. Приглядели с Ирочкой квартиру в этом доме, он тогда только строился. Миллиона, конечно, не хватило, но я к тому времени нашу трехкомнатную обменяла на однушку с хорошей доплатой. Ирочка против была, но я все сделала как надо. Зачем мне три комнаты? И одной за глаза. Зато какое счастье у нас было, когда Ирочка сюда наконец переехала. Она настаивала, чтобы и я здесь жила, но я отказалась, конечно, мне очень хотелось быть рядом, но я ведь понимала: ей нужно свою жизнь устраивать, зачем же мешать, тут одна комната. В общем, я в Голованове осталась, она на выходные приезжала, а я ее ждала. Потом они с Генной познакомились. Через месяц он сделал ей предложение. Лучшего мужа не найти, опять повезло. Жизнь Гену тоже не баловала. Отца он фактически не знал, мать рано умерла. Остался он с братом, тот на десять лет моложе, надо было его на ноги ставить... Брат почти что инвалид, Гена всегда так трогательно о нем за-

14 ботился. И Ирочку очень любил. А она его...
Приедут ко мне, я на них смотрю и радуюсь: счастье-то какое... и помирать не страшно, не одна теперь моя девочка... да вот как все повернулось. Не ей меня, а мне ее хоронить пришлось...

— Вы сказали, они жили в Сосновке? — спросила я.

— Да, — кивнула Ольга Валерьяновна, вроде бы обрадовавшись моему вопросу. — Сначала Гена квартиру снял на Садовой, там после свадьбы они и жили, пока дом в Сосновке строился. Дом просторный, думали деток завести, чтоб большая семья была. У Гены своя рекламная фирма, зарабатывает он прилично, вот и настоял, чтобы Ира с работы ушла, занималась хозяйством. Она согласилась, хотя работу оставлять было жаль. Он ведь как лучше хотел... Я вот думаю, если бы Ира работала... убили ее утром... — Ольга Валерьяновна отодвинула чашку, подперла щеку ладонью и горестно вздохнула. — У них в Сосновке можно часа два бродить и ни души не встретить. Только не подумайте, что я Гену виню... кто ж знал... Он Ирочку очень любил, пять лет прожили, а все как молодожены. Друг с друга глаз не сводили, мне казалось, когда они рядом, от них сияние исходит... Гена и ей машину купил, чтоб она могла ко мне ездить, отдыхали на курортах, куда она пожелает, туда и едут... Меня к себе жить звали, в Сосновку эту, но я опять отказалась. Зачем же молодым мешать? Но сюда переехать Ирочка меня все-таки уговорила. Мне в большом городе непривычно, но и ее тоже было жалко, ездить ко мне в райцентр далековато, да и беспокожно, на дорогах одни аварии, пока не позвонит, места себе не нахожу: как внученька доехала? Опять же надеялась, родится ребеночек, помощь моя понадобится.

— Квартиру в Голованове вы продали?

— Продала. Да и какая мне разница, где помирать теперь, здесь или там? В Голованово я бы все равно возвращаться не стала. Могилка-то ее здесь...

— С кем-нибудь из соседей вы знакомы? — 15
спросила я.

— Тут все больше молодежь...

Я представила, как она живет в этой квартире, которой так радовалась когда-то, и погнала эти мысли прочь. Очень хотелось сбежать. Если не в силах помочь, проще вовсе не знать о чужих бедах, особенно когда своя тоска грызет, хоть вешайся. И чего я к бабке поперлась? Лучше бы в офисе сидела, пялилась в окно и ждала нагоняй от Агатки. Все-то в моей жизни подурачки... Бабуля поднялась и сказала торопливо, словно угадав мои намерения:

— Я сейчас альбом принесу...

«Бежать», — решила я и даже приподнялась со стула, окинув взглядом стол с нетронутым чаем и пирогами горкой на деревянной тарелке. Бабуля меня усердно потчевала, один пирог удалось проглотить, теперь он стоял в горле, а желание биться головой о стенку лишь увеличилось. Отличная вышла прогулка... Я шагнула к двери и едва не столкнулась с Ольгой Валерьяновной, она как раз возвращалась из комнаты, прижимая к груди толстенный альбом с фотографиями. Я мысленно застонала. Не было, с моей точки зрения, занятия глупее, чем разглядывать чужие фотографии. Да и свои тоже. Может, на самом деле в моей жизни просто отсутствовали моменты, которые я бы хотела запечатлеть навеки?

Бабуля растерянно замерла в дверях, глядя на меня, а я едва не заревела от жалости, к себе или к ней, сразу и не поймешь. В темно-синем платье с вязаным воротничком, она казалась девчонкой-школьницей, внезапно состарившейся по воле злой колдуньи. Она действительно была невероятно хрупкой, едва доставала мне до плеча. Узенькие плечи, плоская грудь. «Может, забрать ее к себе? — явилась нелепая мысль. — Не дури. Что она, брошенный щенок? Чтоб я еще раз пошла в этот парк...»